

УДК 340.111.52

СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**Е.Д. ПРОЦЕНКО¹⁾**
Б.В. МАКОГОН²⁾*¹⁾ Московский университет МВД
России**e-mail: bmakoghon@mail.ru**²⁾ Санкт-Петербургский
университет МВД России**e-mail: bmakoghon@mail.ru*

В статье представлен анализ подходов к интерпретации содержания процессуального правоотношения и его элементного состава. Осуществлена систематизация и наименования указанных подходов. На основе результатов проведенного исследования предложен авторский «смешанный подход» к трактовке содержания процессуально-ограничительного правоотношения и его элементов.

Ключевые слова: субъективное право, юридическая обязанность, полномочия, юридическая ответственность, содержание, процессуально-ограничительные правоотношения.

Необходимость методологического решения проблемы, связанной с установлением пределов в деятельности субъектов публичной власти нами связана с обособлением процессуально-ограничительных правоотношений. Раскрытию данного правового феномена способствует уяснение его содержания.

Подчеркнем, что содержательная интерпретация процессуально-ограничительных правоотношений имеет важное теоретическое и практическое значение. Первый аспект мы ассоциируем с установлением в рамках научной дискуссии элементного состава содержания правоотношений и сопряженной с ним терминологии. А второй – с эффективностью процессуальных норм, регулирующих заявленные правоотношения, в конечном итоге влияющих на принимаемое решение в юридическом разбирательстве.

Ввиду одинаковой природы процессуальных и процессуально-ограничительных правоотношений, полагаем, содержанию последних будет способствовать исследование первых. В теории права до сих пор отсутствует унифицированное определение содержания процессуальных правоотношений. Более того в монографических исследованиях, посвященных процессуальным отношениям, таковым дается характеристика через содержание правовых отношений без уточнения юридической связи¹.

В целом анализ доктринальных источников позволил автору систематизировать и поименовать имеющиеся подходы к определению содержания процессуальных правоотношений:

– «поведенческий» – указывает на поведение участников, действия субъектов правоотношений²; поведение, правомочия и обязанности участников правоотношения³; фактическое поведение его субъектов, реальное взаимодействие в правовой сфере⁴; реальное взаимодействие (поведение) в правовой сфере, которое выступает в виде должного (возможного), юридически действительного взаимодействия⁵. Отметим, что в рамках данного подхода различаются узконаправленные взгляды авторов (выделяют только поведенческий элемент), а также как широконаправленные (помимо поведенческого элемента включают правомочия, обязанности и др.);

¹ См., например: Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. – М.: Юридическая литература, 1972; Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М.: Издательство НОРМА, 2003.

² См.: Гуреев П.П. Судебное разбирательство гражданских дел. – М., 1958. – С. 13.

³ См.: Джалилов Д.Р. Гражданское процессуальное правоотношение и его субъекты. – Душанбе, 1962. – С. 27.

⁴ Явич Л. С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976.

⁵ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М., 1950. – С. 22-23, Братусь С. Н. К вопросу об объекте правоотношений по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. – 1950. – № 9. – С. 86, Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. – М., 1970. – С. 546.

– «полномочно-компетенционный» раскрывает правомочия и обязанности субъектов этих отношений⁶;

– «ограниченный» указывает на права и юридические обязанности, предусмотренные (закрепленные) нормами объективного права⁷ (более этих элементов ничего не выделено);

– «основанный на связи, взаимодействии». Данного подхода придерживался Ю. В. Гревцов, предлагая под содержанием правоотношения понимать *взаимодействие* субъектов правового отношения, но не всякое, а лишь протекающее в определенной, предписанной нормой объективного права форме в качестве юридически предусмотренной и значимой деятельности⁸.

В. М. Горшенев также считал, что наиболее плодотворным при раскрытии содержания процессуального правоотношения будет такой подход, при котором правоотношение следует рассматривать в качестве специфической социальной *связи*, характеризующейся наличием у ее участников корреспондирующих друг другу субъективных прав и обязанностей, полномочий и ответственности⁹. Объясняя свою позицию, ученый уточнил, что «содержание правоотношений наиболее контрастно проявляется не столько в наличии у его субъектов правомочий, юридических обязанностей или способности нести юридическую ответственность, сколько в том, что эти компоненты в конкретных правоотношениях органически связаны между собой, всегда корреспондируют друг другу, а сама специфическая социальная связь выступает в качестве коррелятивной»¹⁰.

По мнению А. В. Погодина, связь между субъектами процессуального правоотношения может быть в виде: а) связи, если налицо обоюдная заинтересованность в законном и справедливом воплощении материально-правового установления в регулируемое общественное отношение; б) односторонней зависимости, если управляющий субъект, например судья, употребляет властные полномочия, побуждая другую сторону принять посильное участие в установлении истины по делу; в) взаимного отчуждения, если содержание отношения сводится к формальному соблюдению процессуально-правовых требований по принципу «что ни делай – все предрешено»; г) более сложной комбинации или перманентной смены указанных вариантов взаимодействия¹¹.

Е. Г. Лукьянова в своей монографии, ссылаясь на позицию Ю. И. Гревцова, указала на его подход как наиболее приемлемый, учитывающий специфику процессуального правоотношения. И поэтому под содержанием процессуального правоотношения ею предложено понимать связь субъектов процессуального правоотношения, воплощающуюся в субъективных правах и юридических обязанностях, юридических полномочиях, юридической ответственности и соответствующем им фактическом поведении¹².

Не оспаривая элементный набор, который указывают различные авторы, считаем, первостепенным концептуально обозначить собственную позицию к определению содержания процессуально-ограничительного отношения. Ввиду того, что субъектами таковых выступают носители публичной власти, а также с учетом динамического характера самого процесса, требующего адекватного сопоставления прав и обязанностей, полномочий и ответственности субъектов, считаем важным сделать акцент именно на корреляции (от позднелат. *correlatio* – соотношение) элементов содержания заявленного правоотно-

⁶ См.: Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. – М.: Изд-во МГУ, 1954. – С. 19, Толстой Ю. К. К теории правоотношения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. – С. 23, Чечот Д.М. Участники гражданского процесса. – М.: Юридическая литература, 1960. – С. 9, Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. – С. 38; Основин В.С. Государственно-правовые отношения. – М.: Юридическая литература, 1965. – С. 71; Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. – М.: Юридическая литература, 1972. – С. 105.

⁷ См.: Толстой В.С. Содержание относительных правоотношений // Советское государство и право. – 1969. – № 3. – С. 126; Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. – Л., 1972 и др.

⁸ Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981.

⁹ Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков: Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1983. – С. 97.

¹⁰ Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков: Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1983. – С. 98.

¹¹ См.: Погодин А.В. Процессуальные правовые отношения: теоретические и методологические вопросы: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1991. – С. 74-75.

¹² Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – С. 220.

шения. Полагаем, применение данного термина обосновано тем, что он наличествует в различных областях науки и техники и обозначает взаимозависимость, взаимное соответствие, соотношение понятий, предприятий, предметов, функций¹³.

Далее в исследовании содержания процессуально-ограничительного правоотношения следует указать на его полиаспектный характер. Так, некоторые в содержании правоотношения различают материальное содержание, то есть фактическое поведение (действие, бездействие), которое управомоченный может, а обязанный должен совершить, и юридическое содержание. Под ним понимаются права и обязанности, вытекающие из нормы объективного права¹⁴. Данная позиция в дальнейшем трансформировалась и были обособлены: собственно содержание правового отношения¹⁵, внутреннее содержание¹⁶, содержание, взятое в единстве материального содержания и правовой формы, его опосредующей. Под первым (собственным, внутренним содержанием) понимаются юридические права и обязанности, закрепленные нормами права, а под вторым – поведение, которое, однако, выводится за пределы правового отношения. В этом и есть основное отличие этой позиции от той, которая различает материальное и юридическое содержание внутри правоотношения¹⁷.

Нами же поддерживается позиция, основанная на взглядах О. С. Иоффе. По его мнению, содержание каждого правоотношения включает материальный, волевой и юридический аспекты. В качестве первого выступает то общественное отношение, которое им закрепляется. Материальное содержание правоотношения предопределяет его волевое содержание. Последнее является волей всего народа, которая, будучи выраженной в нормах права, индивидуализируется в возникающих в соответствии с ними правоотношениях. А волевое содержание в свою очередь закрепляется при помощи юридического, которое конкретизируется в субъективных правах и обязанностях его участников¹⁸.

По нашему мнению, каждое процессуально-ограничительное правоотношение отличается собственным материальным и юридическим содержанием. Таковые при воздействии различных факторов приобретают специфические черты, позволяющие отграничивать одно правоотношение от другого. Юридическое содержание процессуально-ограничительного правоотношения также различно ввиду неодинакового набора прав и обязанностей субъектов правоотношений. В отличие от материального и юридического содержания, волевое носит всеобщий характер ввиду того, что оно отождествляется с единой волей населения в последующем воплощенной в процессуальных нормах.

Таким образом, материальное и юридическое содержание являются критериями, индивидуализирующими процессуально-ограничительные правоотношения.

В свою очередь юридическое содержание процессуально-ограничительного правоотношения формируется под воздействием не только материального содержания (фактические общественные и материальные юридические отношения, которые реализуются с помощью данного процессуального правоотношения), но и субъектного состава этого правоотношения. Так, у субъектов процессуально-ограничительного правоотношения, являющихся носителями публичной власти имеются характерные только для них права и обязанности. Например, функцию правосудия реализуют суды; в рамках административных процессуально-ограничительных производств определена подведомственность органов, рассматривающих дела об определенных категориях правонарушений и т.д. Следовательно, специфика суда как органа реализующего правосудие влияет на круг его полномочий в процессуально-ограничительных правоотношениях. Если же обращать внимание на полномочия субъектов в рамках административных процессуально-ограничительных правоотношений, то это до сих пор сложная задача ввиду их многочисленности в различных областях государственного управления. Поэтому, считаем, субъектам административной отрасли процессуально-ограничительных отношений сле-

¹³ Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. 1969-1978.

¹⁴ Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 256-301.

¹⁵ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – С. 90.

¹⁶ Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. – М.: Юридическая литература, 1976. – С. 46.

¹⁷ Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. – С. 76.

¹⁸ См.: Общая теория государства и права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. – С. 390-392.

дует уделять пристальное внимание, как в теоретических исследованиях, так и на уровне корректировки законодательства. Несмотря на проведенную административную реформу по-прежнему сохраняется проблема дублирования полномочий органов управления. Например, подписание Указа Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»¹⁹ ознаменовало завершающую стадию первого этапа реализации административной реформы. В развитие этого акта были приняты соответствующие постановления Правительства РФ, закрепляющие основные направления деятельности министерств, служб и агентств. Был проведен значительный объем работы по функциональному наполнению новой структуры, по подготовке и утверждению положений о федеральных органах исполнительной власти²⁰.

Однако обнаружился ряд отклонений от первоначально заявленных целей и задач. Часть выявленных проблем обуславливалась несовершенством предложенной структуры федеральных органов исполнительной власти: недостаточно последовательно был реализован основополагающий принцип – переход от отраслевой структуры федеральных органов исполнительной власти к функциональной, что сделало крайне затруднительным устранение дублирования в реализации функций государственного управления.

Возвращаясь к трактовке элементарного состава правоотношения, полагаем, что восприятие такового в качестве связи только юридического права и обязанности, делает исследование неполным, поскольку не выходит за рамки формы правового отношения. Данный подход к правоотношениям не позволяет обстоятельно выявить связи, возникающие в пределах самой правовой формы правоотношения. Так, зачастую комплекс отношений регулируется различными отраслями права. Только исследование реального поведения в соответствии с правами и обязанностями может показать, насколько согласованы нормы и институты различных отраслей права в своем воздействии на данные общественные отношения²¹.

Мы солидаризируемся с позицией Ю. И. Гревцова и считаем, что содержание правовых отношений также нельзя сводить к юридическим правам и обязанностям, равно как нельзя его сводить к любому, не имеющему юридического значения действию, элиминировать юридическую специфику правоотношений. Как первое, так и второе вытекает из недостаточной и потому схематичной интерпретации связи материальных и надстроечных отношений, исключающей у последних реальное содержание. Специфическая связь прав и обязанностей (сфера должного) характеризует форму того или иного вида правоотношений. Его непосредственным содержанием будет взаимодействие, но не всякое, а лишь протекающее в определенной форме, предписанной нормой объективного права. Таким образом, реальное взаимодействие в правовой сфере выступает как юридически предусмотренная и значимая деятельность²².

Далее относительно конкретных элементов, выделяемых в содержании процессуально-ограничительных отношений, отметим следующее.

Термин «субъективное», применяемый в качестве эпитета к термину «право», имеет не философский, а чисто условный смысл. Термином «субъективное» хотят показать лишь то, что речь идет о таком праве, которое принадлежит тому или иному лицу, субъекту, а не о праве в смысле совокупности юридических норм²³.

Традиционно в отечественной юридической доктрине субъективное право рассматривалось в качестве вида и меры возможного поведения управомоченного лица в конкретном правоотношении²⁴; обеспеченной законом меры дозволенного управомоченному поведению и возможности требовать определенного поведения от обязанного лица в

¹⁹ Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (ред. от 22.06.2010 г.) // Российская газета. – 2004, 12 марта; СЗ РФ. – 2010. – № 26. – Ст. 3331.

²⁰ Вишняков В.Г. Административная реформа: 15 лет поисков концепции // Законодательство и экономика. – 2011. – № 7. – С. 5-17.

²¹ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – С. 260.

²² Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. – С. 81.

²³ Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. – М., 1961. – С. 225.

²⁴ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. – М., 1973. – С. 520.

целях удовлетворения признаваемых законом интересов управомоченного²⁵; вида и меры дозволенного поведения управомоченного субъекта, обеспеченной юридическими обязанностями других лиц²⁶.

Отличным от представленных является по подход Н. Г. Александрова. По его мнению субъективное право есть единство трех возможностей: вид (и мера) возможного поведения самого обладателя субъективного права; возможность требовать соответствующего поведения (совершения известных действий или, напротив, воздержания от действия) от других (обязанных) лиц; возможность прибегнуть в необходимых случаях к содействию не только общественности, но и государственного аппарата.

Специфика субъективного права проявляется особенно в третьей возможности, связанной с принудительной силой государства. Однако субъективное право всегда представляет собой неразрывное единство трех указанных возможностей²⁷.

В целом же субъективное право – это именно сама возможность вести себя определенным образом²⁸. А определенный вид и мера поведения – это характеристики такой возможности, содержание, но не суть субъективного права. Субъективное право представляют в виде единства юридического и социального начал. Объективным моментом здесь является социальное начало – непосредственное выражение материальных отношений, а юридическое – субъективный момент, связанный с государственным признанием²⁹.

На наш взгляд, представляет научный интерес одна из современных трактовок субъективного права, сформулированная с учетом специфики субъектов публичной власти. Итак, субъективное публичное право – предоставленная лицу, в том числе лицу с особым статусом – замещающему государственную должность или служащему, в целях удовлетворения его законного интереса, мера возможного поведения в конкретном правоотношении, которая заключается в возможности совершения определенных законодательством, в том числе о государственной (муниципальной) службе, действий самим управомоченным и в возможности управомоченного требовать определенного поведения от любых обязанных физических и юридических лиц, государственных и муниципальных органов³⁰. Источником возникновения субъективного публичного права является закрепляющая его правовая норма и юридические факты, одним из которых выступает наличие у лица определенного функционального статуса (замещение государственной должности или должности государственной или муниципальной службы).

В процессуально-ограничительном правоотношении (как и в любом ином) субъективному праву одной стороны всегда корреспондирует юридическая обязанность другой стороны.

Обязанность, как и право, олицетворяет связь обладателя субъективного права с государством и с другим участником правоотношения – управомоченным субъектом. Содержательно обязанность прямо противоположна субъективному праву. Последнее – мера дозволенного государством поведения, а обязанность – мера должного поведения субъекта. Но данная противоположность не препятствует тому, что и то и другое служит общей, единой цели – удовлетворению признаваемых законом интересов управомоченного лица. Единство цели не исключает противоположность между ее содержанием³¹. Отсюда «обязанность есть обеспеченная законом мера должного поведения, которой обязанное лицо следует в соответствии с требованиями и в целях удовлетворения признаваемых законом интересов управомоченного»³².

²⁵ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М., 1961. – С. 223.

²⁶ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 114.

²⁷ См.: Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. – М., 1961. – С. 227.

²⁸ Федосенко В.А. Проблематика субъективных прав и юридических обязанностей в сфере публичных правоотношений // Военно-юридический журнал. – 2007. – № 12.

²⁹ См.: Сивкова Л.А. Субъективное право (Общетеоретические вопросы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1986. – С. 4-5.

³⁰ Федосенко В.А. Проблематика субъективных прав и юридических обязанностей в сфере публичных правоотношений // Военно-юридический журнал. – 2007. – № 12.

³¹ См.: Федосенко В.А. Проблематика субъективных прав и юридических обязанностей в сфере публичных правоотношений // Военно-юридический журнал. – 2007. – № 12.

³² Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М., 1961. – С. 224.

Отметим, что в теории права также различается подход к определению обязанности, исходя из трактовки самого правоотношения. Если непосредственным содержанием правоотношения признается наличие у его участников субъективных прав и юридических обязанностей, последние определяются как вид и мера должного³³ или мера необходимого поведения³⁴ лица, соответствующая субъективному праву другого лица. И, напротив, если в содержании правоотношения предпочтение отдается поведению его участников, юридическая обязанность, как правило, предстает в виде опосредованного правовыми нормами определенного или должного поведения обязанного субъекта³⁵.

В совокупности право и обязанность выступают в процессе регулирования общественных отношений, соблюдая определенный баланс, а его нарушение затруднит в должной мере реализацию права.

Исходя из того, ряд ученых включает в содержание правоотношений полномочия, мы данный аспект хотели бы прокомментировать применительно к процессуально-ограничительным правоотношениям с использованием позиции В. М. Горшенева, заключающейся в том, что процессуальные полномочия нельзя отнести ни к процессуальным правам, ни к процессуальным обязанностям. По своему назначению это в некотором роде продукт синтеза тех и других, в первую очередь – это компонент компетенции соответствующего государственного органа. Орган государства, наделенный процессуальными полномочиями, – не только процессуально управомоченный, но и обязанный к совершению предусмотренного права процессуального действия орган³⁶. Не вдаваясь в детали разграничения понятий «полномочия» и «компетенция», считаем, что все-таки полномочия, действительно, законодательно определенный «продукт синтеза прав и обязанностей», поэтому при формулировании определения содержания заявленных правоотношений не имеет смысла дублировать термины «право», «обязанность», «полномочие».

Разделяя в целом мысль о правообязывающем характере полномочий выражающимся в определении для должностных лиц пределов их прав относительно иных лиц и органов и одновременном возложении на них обязанности использовать предоставленные права для достижения поставленных целей³⁷, следует учитывать сочетание процессуальных прав и обязанностей в рамках процессуальных полномочий, их различные композиции в конкретных правоотношениях с учетом динамичности и многосубъектности последних³⁸.

Также уточним, что к элементам содержания процессуальных правоотношений, как нами было указано выше, ученые также относят юридическую ответственность. На наш взгляд, именно юридическая ответственность и ее неотвратимость при решении методологической проблемы определения пределов деятельности субъектов публичной власти, призвана стать ключевым элементом.

С учетом приведенных аргументов, представляется целесообразным при формулировании содержания процессуально-ограничительных правоотношений использовать выработанный подход, компилирующий в себе несколько из ранее обоснованных в теории права. С помощью такого смешанного подхода, полагаем, определение содержания процессуально-ограничительных правоотношений может быть представлено через корреляцию прав и обязанностей субъектов публичной власти, обуславливающая их деятельность в рамках урегулированных процессуальными нормами производств на основе неотвратимости наступления юридической ответственности.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (ред. от 22.06.2010 г.) // Российская газета. – 2004, 12 марта; СЗ РФ. – 2010. – № 26. – Ст. 3331.

³³ См.: Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. – М., 1980. – С. 327.

³⁴ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 125-126.

³⁵ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. – М., 1973. – С. 520; Коваль Л.В. Административно-деликтное отношение. – Киев: Вища школа, 1979. – С. 22.

³⁶ Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков: Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1983. – С. 99.

³⁷ См.: Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 г. – Саратов, 1980. – С. 210.

³⁸ Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков: Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1983. – С. 99.

2. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М., 1950.
3. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. – М., 1961.
4. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1981.
5. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1981.
6. Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. 1969-1978.
7. Братусь С. Н. К вопросу об объекте правоотношений по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. – 1950. – № 9.
8. Вишняков В.Г. Административная реформа: 15 лет поисков концепции // Законодательство и экономика. – 2011. – № 7.
9. Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981.
10. Гуреев П.П. Судебное разбирательство гражданских дел. – М., 1958.
11. Джалилов Д.Р. Гражданское процессуальное правоотношение и его субъекты. – Душанбе, 1962.
12. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М., 1961.
13. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. – М: Изд-во МГУ, 1954. – С. 19, Толстой Ю. К. К теории правоотношения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.
14. Коваль Л.В. Административно-деликтное отношение. – Киев: Вища школа, 1979.
15. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М.: Издательство НОРМА, 2003.
16. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. – М., 1970.
17. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. – М., 1973.
18. Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. – М.: Юридическая литература, 1976.
19. Общая теория государства и права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
20. Основин В.С. Государственно-правовые отношения. – М.: Юридическая литература, 1965.
21. Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. – Л., 1972.
22. Погодин А.В. Процессуальные правовые отношения: теоретические и методологические вопросы: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1991.
23. Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 г. – Саратов, 1980.
24. Сивкова Л.А. Субъективное право (Общетеоретические вопросы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1986.
25. Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. – М.: Юридическая литература, 1972.
26. Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. – М., 1980.
27. Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков: Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1983.
28. Толстой В.С. Содержание относительных правоотношений // Советское государство и право. – 1969. – № 3.
29. Федосенко В.А. Проблематика субъективных прав и юридических обязанностей в сфере публичных правоотношений // Военно-юридический журнал. – 2007. – № 12.
30. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974.
31. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
32. Чечот Д.М. Участники гражданского процесса. – М.: Юридическая литература, 1960.
33. Явич Л. С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976.

CONTENT OF THE PROCEDURAL AND RESTRICTIVE RELATIONSHIP

E.D. PROCENKO¹⁾
B.V. MAKOGON²⁾

¹⁾ *Russian Ministry of Internal Affairs of Moscow University*
e-mail: bmakogon@mail.ru

²⁾ *St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry*
e-mail: bmakogon@mail.ru

The paper presents an analysis of approaches to interpret the procedural relationship and its elemental composition. Performed classification and naming of these approaches. Based on the results of the study authors proposed a «mixed» approach to the interpretation of the content of the process-limiting relationship and its elements.

Key words: subjective law, legal obligation, authority, legal liability, contents, process-restrictive relationship.